

An abstract architectural sculpture composed of various geometric shapes, including cubes and cylinders, arranged in a complex, layered structure. The sculpture is illuminated with a rainbow-like color gradient, transitioning from dark blue at the top to light yellow at the bottom. The background is a dark, textured surface.

Александр Ермак

Жизнь по контракту

Александр Ермак

Жизнь по контракту

«Автор»

Ермак А.

Жизнь по контракту / А. Ермак — «Автор»,

Герман возвращается домой из длительного отпуска и обнаруживает, что за личными и рабочими проблемами запустил свои отношения с Государством. Он не выполнил условия Контракта, заключаемого с каждым гражданином, и просрочил время, в течение которого можно было все исправить. Молодому человеку приходится бороться и за свою жизнь, и за жизнь многих людей, безжалостно преследуемых Агентством Исполнения Контракта...

© Ермак А.

© Автор

Содержание

1. Возвращение	5
2. «Вы не имеете права быть членом ГО...»	14
3. Линда и Тильда	23
4. В гостях у инспектора Юрико	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Ермак

Жизнь по контракту

1. Возвращение

Полгода назад Герман торопился покинуть город. Очень торопился. А теперь торопится обратно. И уже преодолел на маленьком рыболовецком судне расстояние между островом и материком. И уже доехал на попутке до железнодорожной станции. И уже протрясся в вагоне, пересел на самолет, насмотрелся на нескончаемые просторы лесогор под крылом. И вот, наконец, аэропорт, из которого он улетал шесть месяцев назад. И Герман выходит из него и уже мчится в такси. И торопится, торопится, хотя никто, ничто его здесь особенно не ждет.

Как же у него все удавалось, складывалось по жизни. Замечательная дружная семья. Отец – летчик дальней авиации, командир экипажа. Мама – красивая, умная женщина, переводчик. И он – единственный отпрыск в семье – не разочаровывал ни родителей, ни себя. После успешного окончания школы Герман поступил в элитный университет на факультет информатики. Учился в удовольствие. В удовольствие же ходил играть в теннис. И на свидания с Эликой, с которой познакомился на одной из студенческих вечеринок.

Еще до окончания университета Герман знал, где будет работать. К нему и еще к нескольким ребятам чуть ли не с первого курса присматривались агенты – «охотники за головами» из «ЛокИнформ». Это была солидная компания, занимающаяся разработкой программных продуктов для охранных систем. И, как подошло время, его действительно взяли туда на работу. Только не программистом. Герман начал работать в отделе коммуникаций с клиентами. Сначала удивлялся, что попал именно в это подразделение, но потом понял всю правоту работодателя – хотя он и весьма прилично разбирался в программировании, работать с людьми ему было гораздо интереснее, увлекательнее. Герман с азартом разрабатывал новые подходы в коммуникационной политике, без усталости встречался с нескончаемым потоком новых и старых клиентов. Начальник Арон, глядя на него, улыбался и нарадоваться не мог на свое новоприобретение.

Уже через полтора года работы в «ЛокИнформ» Герман стал руководителем отдела, что было весьма примечательно. Обычно на такое место люди выдвигались через пять, а то и семь лет службы в компании. Но Герман работал быстро и эффективно. Он торопился. Он очень торопился. Ему хотелось добиться настоящего успеха, показать его своим родителям. Чтобы они порадовались за него.

Родители вдохновляли Германа. Когда он рассказывал дома о том, как перестраивает в «ЛокИнформ» свой отдел, и о том, что ему нравится, каким его подразделение становится, отец одобрительно улыбался, а мама также с улыбкой кивала:

– В отца пошел. У него такой дружный экипаж...

Да, у отца, правда, был дружный экипаж. Герман знал их всех – штурмана Родиона, второго пилота Александра, борт-инженера Евгения и борт-механика Ивана.

Отца из-за командировок часто не было дома. А потом, по прилету, они всем экипажем обязательно собирались у них. Вспоминали, снова и снова переживали туманы, снегопады, полочки... И на каждой встрече, сколько Герман помнил, они обязательно произносили тост:

– За Мирагоу!

Он не раз спрашивал отца, что же это за Мирагоу такое. Но тот обычно только отмахивался:

– Да как-нибудь потом... Успеется... Не сейчас...

И еще они выпивали:

– За наши тылы!

И все, кроме Родиона, который приходил один, целовали своих жен. Отец говорил матери:

– Моя путеводная звезда...

И Герман тоже хотел иметь рядом с собой девушку, похожую на мать. Так провожающую отца в полет и так ждущую его возвращения. Какие глубокие и любящие глаза у его матери. И у него появилась Элика. Действительно похожая на маму – красивая, умная, разве что не переводчик. Но и Герман – не летчик дальней авиации. Командировки у него были редки, расставались они с Эликой ненадолго – встречались почти каждый вечер. Дело шло к свадьбе. Элика шила полагающееся платье. А еще выбирала ресторан для праздника, место для медового месяца...

Отец, измотавший свой организм перегрузками, раньше времени вышел на пенсию по здоровью. Вместе с ним уволился из авиации и его самый близкий друг – штурман Родион. Усидеть дома отец не мог и пошел работать в Комитет гражданских прав и свобод. Летая, он часто перевозил их грузы в разные концы страны и мира, был знаком со многими работниками этой организации. Говорил Герману:

– Знаешь, мотаясь по белому свету, всякого насмотрелся. Теперь точно знаю, что и как на родине можно изменить к лучшему. Здесь есть что менять, и Комитет – очень подходящая организация...

Герман не очень понимал, о чем это отец. А мать почему-то вздыхала...

Родион, в отличие от отца, в городе не остался, уехал на далекий остров – зафрахтовался метеорологом:

– Не могу я в городе. Людей, суеты много. Я простор люблю. Семьи у меня нет, так что ничто здесь не держит...

На острове у него были лес, море, голубое небо над головой. И звезды, которые не скрыты по ночам огнями города. Звезды, которые тянули Родиона в небо. Звезды, по которым он столько раз прокладывал маршруты в ночных перелетах...

Герман часто думал об экипаже отца. Начав работать руководителем отдела, он быстро понял, как это не просто найти подходящих людей, собрать, слить их в единое целое. Но ведь и какого результата можно добиться объединением. У отца был лучший экипаж летного отряда и именно ему доверяли самые тяжелые, самые ответственные задания.

И у Германа в компании «ЛокИнформ» был теперь свой экипаж. Пять человек отдела. Двое из них – Сэм и Гиви – лучшие друзья. Они с Германом всегда вместе. И на работе засиживаются частенько допоздна. И в рестораны, на пикники выбираются всей компанией, прихватив своих девчонок.

Герман любил свой отдел. Он не сомневался, что сделает его лучшим в «ЛокИнформ». У него будет лучший экипаж. И даже больше. Прислушиваясь к себе, Герман понимал, что вряд ли остановится на том, чтобы быть лишь руководителем отдела. Чем дольше работал в «ЛокИнформ», тем больше видел, что компании есть куда развиваться, есть что менять. И не сомневался, что именно он может помочь провести эти изменения. Герман думал, что ему, видимо, предстоит стать, говоря летным языком, не просто командиром экипажа, но командиром целого летного отряда или даже еще большего формирования. Ему нравилось развивать, руководить, организовывать, спланировать, добиваться вместе того, чего в одиночку добиться просто невозможно. Это в нем было еще с детства. Родители теперь уже со смехом вспоминали, как он организовал побег двенадцати малышей из детского сада, и их целый день искали, пока не нашли в парке в зарослях малины. В школе Герман брался то за подготовку новогоднего вечера, то за формирование отряда добровольцев для помощи почтовым работникам в выходные дни. И в университете он активно работал в студенческом союзе, помогал организовывать фонд поддержки молодых ученых крупным бизнесом.

Теперь, работая в «ЛокИнформ», Герман постоянно размышлял о делах компании и о себе. И однажды не выдержал, намекнул начальнику на то, что ему уже можно доверить и гораздо большее дело, чем просто руководство отделом.

Арон кивнул:

– Да-да, я подумаю.

Но продвигать нового сотрудника дальше он не спешил. А Герман торопился. Очень торопился. И злился на Арона. И еще думал о том, что, может, его – такого энергичного и инициативного – так и будут вечно держать в руководителях отделом. Он видел таких людей. По десять, двадцать, а то и тридцать лет в одной низшей руководящей должности. И ладно, если им нравится такое положение, если они сами не хотят большего. А если есть силы и желание расти, то заниматься несложной работой годами – это же просто пытка.

День проходил за днем, неделя за неделей, а ничего не менялось. Герман начал нервничать и срываться на своих подчиненных – ему казалось, что они все время слишком медленно работают, слишком мало делают, и поэтому его отдел, его работу недооценивают. Нужно было показать, обязательно доказать руководству «ЛокИнформ», что они лучшие, что Герман способен на многое.

Больше всех от него доставалось, конечно, друзьям – Сэму и Гиви. Но на то они и друзья, чтобы не обижаться так уж сильно. Оказываясь вне офиса, Сэм и Гиви старались оторвать Германа от мыслей о работе. Но он, его мозг не могли жить без нее. Ему нужно было большое дело и большие весомые результаты. Даже не столько деньги или хорошие вещи. Нет, он хотел видеть, как, благодаря ему, слаженно и высокоэффективно работают, делают большое полезное дело десятки, сотни, а может быть и тысячи людей. Тогда бы он гордился собой, тогда бы был собой доволен.

И месяц проходил за месяцем. И ничего не менялось. Но надо было что-то менять. Герман решил предъявить Арону ультиматум – или его делают начальником службы, или он уходит в другую компанию. Конечно, на данный момент «ЛокИнформ» была лучшей на рынке, но Герман не сомневался, что в лучшую он сможет превратить и любую другую фирму – даже какого-нибудь середнячка. Лишь бы ему доверили решить такую задачу.

Герман огласил свой ультиматум Арону. Тот, однако, не сильно испугался, пожал плечами:

– Ты хороший сотрудник, хороший руководитель отдела. Но тебе рано становиться большим начальником, ты еще не достаточно мудр и выдержан. Можешь не справиться с большим коллективом. Я не хочу тебя терять, но, извини, и начальником службы пока не сделаю. Подожди.

– Сколько?

– Точно ничего не могу сказать и тем более обещать.

– Что ж, – Герман решил окончательно, – Я увольняюсь.

– Твое право, – опять пожал плечами Арон, – но не торопись. Возьми отпуск. Ты, кстати, за все время работы у нас еще ни разу его не брал. Ни одной недели не отдыхал. Это я не доглядел. А тебе без сомнения нужно отдохнуть, подумать...

«Какое тут отдохнуть?» – не понимал Герман. В нем было столько сил, в голове – столько мыслей...

Он сказал родителям, что уходит из «ЛокИнформ». Думал, те одобряют поступок сына. Но мать только вздохнула. Отец же сказал практически то же самое, что и Арон:

– Не торопись. Возьми отпуск. Съезди куда-нибудь. Отдохни, подумай...

Но Герман не хотел оттягивать, не хотел больше ждать. На следующий же день подтвердил Арону:

– Я увольняюсь.

Тот все также спокойно пожал плечами:

– Жаль. Захочешь вернуться, возьму, если место не будет занято...

А Сэм и Гиви качали головами:

– Зря ты так... «ЛокИнформ» – хорошее место работы. Тебя здесь уважают. Просто подождать нужно...

Они затащили его в кафе. Стали уговаривать, расписывать какие-то немыслимые перспективы, но Герман никого не хотел слушать. Он не мог ждать, топтаться на одном месте. Даже Элика не смогла его уговорить.

Герман ушел из «ЛокИнформ», заранее не подыскав нового места работы. Устроиться в другую компанию ему казалось делом нескольких дней, если не часов – кто откажется от такого толкового, энергичного специалиста. Но тут случилась авария. И странная, и страшная. В машину, в которой ехали мать с отцом, на полном ходу врезался грузовик. Отказали тормоза. Вроде бы. Несчастный случай.

Целые дни теперь уже безработный Герман проводил в больнице, в палате, где родителей положили рядом. Мама была без сознания. Отец находился в ясном уме, но у него двигалась только одна рука. Он попросил Германа:

– Сдвинь наши кровати. Поближе... Еще ближе...

Отец взял мать за руку и все время держал ее. Когда умирая, разжал свои пальцы, остановилось и ее сердце...

Герман ничего не мог сделать. На похоронах он смотрел на экипаж, пришедший, прилежавший проводить в последний путь своего командира и его путеводную звезду. Герман смотрел на этих немолодых людей и чувствовал искренность чувств говорящих короткие простые слова штурмана Родиона, второго пилота Александра, борт-инженера Евгения и борт-механика Ивана. И Герман спрашивал себя, также ли ему сочувствуют его собственные друзья Сэм и Гиви? Что их троих связывает (связывало?), кроме работы, пикников и ресторанов? А Элика? Он смотрел на нее и думал о том, остановится ли ее сердце, когда он отпустит ее руку?

Герман ловил себя на том, что начал сомневаться почти во всем его окружающем, в каждом, стоящем рядом. И он понимал, что может быть и не прав, что может быть действительно устал, безумно устал. И от неудач на работе, и от потери родителей...

После похорон к нему подошел человек из Комитета гражданских прав и свобод, в котором последнее время работал отец:

– Герман, твой отец здорово помогал нам... Он рассказывал о тебе. Если захочешь заняться важным полезным для общества делом, приходи к нам. В любое время. Работа найдется...

Герман кивнул, не особенно задумываясь:

– Хорошо...

Экипаж отца окружил его плотным кольцом. Второй пилот Александр, борт-инженер Евгений, борт-механик Иван. И штурман Родион, который сказал:

– Мы тут посоветовались... Собирайся. Поедем ко мне на остров. Отдохнешь, соберешься с мыслями, приведешь себя в порядок...

Он послушно кивнул. Герман не хотел ни возражать, ни вообще думать. Он просто ухватился за протянутую надежную руку.

С работы Герману отпрашиваться было не нужно. Ее у него теперь просто не было. Только Элика... Он предложил ей:

– Знаешь, мне..., нам вместе нужно уехать..., отдохнуть...

Элика не сразу поняла:

– Куда-нибудь в тропики? Чудесно! Мы там прекрасно отдохнем!

– Нет, не в тропики, – покачал он головой, – вообще не на курорт. Не хочу никого видеть. Поедем подальше от цивилизации. В безлюдное место.

И увидел на ее лице то, что боялся увидеть – разочарование:

– Ты серьезно?

Подтвердил:

– Вполне.

Она как будто еще думала:

– Подальше от цивилизации... В безлюдное место?

– Абсолютно.

Элика посмотрела на него с надеждой:

– На пару дней?

– Больше.

– На пару недель?

Но он убил и эту надежду:

– Может быть на месяц, а может быть и на два, еще не знаю точно...

Она была в ужасе и не скрывала этого:

– Ты с ума сошел... У меня работа, у меня родители, подруги, знакомства... Ты, конечно, езжай, если нужно...

Герман оставил ее. Оставил в городе всех, не сказав никому, куда и насколько точно уезжает. Ни Элика, ни даже Сэм с Гиви не знали его маршрута...

Он уже бывал на острове. Когда еще учился в школе, отец послал его к Родиону в первый раз. На острове было интересно. Все не так, как в городе. Другой воздух, другой шум, другие соседи – не люди, а птицы, комары, косули, волки и даже медведи.

Родион учил Германа ориентироваться в лесу, узнавать следы и звуки разного зверья, отличать правильные грибы, брать лесную ягоду, орехи. А еще учил его драться:

– Это каждому мужчине может пригодиться...

Герман не был драчуном, любимым его спортом был теннис. Но, чтобы не упасть в глазах Родиона, он осваивал подсечки, захваты, болевые приемы. Падал, поднимался, разбивал в кровь нос, но не отступал. Снова и снова бросался на хоть и далеко не молодого, но такого хитрого и ловкого Родиона. Тот то справлялся с ним, то видимо поддавался, чтобы не убить настрой Германа, его веру в себя, в свои силы. Они дрались то на кулаках, то на палках. А еще Родион учил Германа бросать нож – сверху, снизу, сбоку:

– Дай бог, не понадобится, но уж если вдруг, то не промахнись. Может быть, это будет твой единственный шанс выжить...

Герман пропускал эти слова мимо ушей. Но ножом управляться научился здорово. У него, видимо, из-за теннисных тренировок были очень развиты кисть и глазомер. Даже Родион удивлялся, вытаскивая нож из маленьких сучков на деревьях:

– Думал, не попадешь. Это и мне не всегда удается...

Метание ножа Германа забавляло. Уже потом и в университете, и на работе, он не раз на спор втыкал нож в подбрасываемую в воздух мусорную корзину. Особенно ему удавался кистевой бросок снизу без замаха...

После похорон он уехал на остров. Родион встретил без лишних слов. Накормил свежей ухой. Весь вечер они просидели у костра за привезенной Германом бутылкой водки. Молча. Даже собаки Родиона молчали, не отзываясь на рев бродящего невдалеке медведя.

Утром Герман проснулся в избушке один – Родион ушел по работе. Он несколько раз в день снимал показания с метеоприборов. Потом обрабатывал их, передавал на Большую землю.

Герман ничего не хотел. Вообще ничего. Он повалялся на топчане. Потом выглянул на улицу и еще повалялся. И еще.

Затем Родион вернулся. Поели. И Герман снова уткнулся в топчан. Лежал то проваливаясь в полубытьё, то всплывая из него, вздрагивая. А крепко никак не засыпалось. Перед

глазами все время возникали то лица матери и отца, то Арона, Элики, Сэма, Гиви, еще каких-то знакомых и полужнакомых людей...

Так прошло несколько дней. Потом Родион неожиданно разбудил его еще до рассвета:

– Пойдем на дальний холм, поможешь мне капканы ставить...

Герман послушно встал. Навьючил поклажу. Пошел вслед Родиону.

Когда они вернулись, Герман снова хотел уткнуться в топчан и лежать, лежать, лежать. Но Родион не позволил. Каждый день он водил Германа то на охоту, то на рыбалку. А еще заставлял лазать по скалам, собирать яйца гнездящихся там птиц:

– Профессиональный альпинист из тебя, конечно, не получится, но и голодным, если что, не останешься...

Родион страховал его веревкой сверху. Яйца были вкусными. Они пекли их на месте же в углях костра. И еще унесли с собой в избушку.

Вечерами Родион рассказывал Герману про звезды, про движение ветров, морских течений. Бывший штурман знал очень много не только про навигацию. Родион до того, как стал авиатором, несколько лет прослужил в спецподразделении. Поэтому-то и знал разные приемы рукопашного боя. И даже теперь уже повзрослевшему Герману он показывал что-то для того новое:

– Зайди-ка со спины, попробуй взять меня за шею...

Герман пробовал и оказывался на земле. И самолюбиво требовал:

– Ладно, и этому меня тоже научи.

А еще перед сном Родион так увлекательно рассказывал про конспирацию, про тайную слежку, про разные варианты прослушивания и еще про всякие околовоеенные хитрости. Конечно же, все это было совершенно не нужно Герману. Но о чем мог еще рассказывать бывший вояка и авиатор. Только про выживание и про небо. И Герман как бы слушал, проваливаясь при этом в спокойную дрему. Сюжеты из городской жизни спутывались с тем, что рассказывал Родион. Автомобили проезжали вдоль чистейших лесных ручейков. Медведи с волками шли в одном строю с солдатами в камуфляжной форме. Перекрестные допросы в комнате с зеркалами прерывались предрассветным щебетанием птиц...

Когда дождь запирали их в избушке, то Герман обычно помогал Родиону вязать сети. Скоро должен был пойти на нерест лосось, которого надо было изловить и закоптить. И его, и шкурки пушного зверя, и сушеные грибы-ягоды Родион сдавал на заходящее раз в несколько месяцев судно-заготовитель. С него же получал он припасы: муку, соль, сахар, патроны...

Герман спросил как-то Родиона:

– А почему ты все время один? Ни жены, ни детей? У всех членов вашего экипажа есть... были семьи...

Родион вздохнул:

– И у меня была... почти. Я женился. Через неделю после свадьбы уехал в срочную командировку, еще через неделю вернулся и застал ее с другим. Всего лишь через четырнадцать дней после свадьбы...

– Но не все же такие.

– Наверное, – согласился Родион и пожал плечами, – только больше я никого не полюбил. Не случилось...

Такой вот разговор...

На второй месяц пребывания на острове загоревший и похудевший Герман уже спал крепко, глубоко, ровно дыша. На третий месяц он все чаще стал задумываться о работе, о том, что делать дальше, когда вернется в город. Герман знал, был уверен, что обязательно вернется. Ему недостаточно было работы телесной, физической, его голова должна была думать, решать какие-то сложные проблемы. И еще ему нужны были друзья-сверстники, любимая девушка, музыка, скорость города. На острове было слишком тихо и покойно. И он сказал Родиону:

– Я возвращаюсь.

Тот кивнул:

– Тебе решать.

Герман почти не сомневался в том, что не пойдет снова в «ЛокИнформ». Он думал о том, что стоит зайти в Комитет гражданских прав и свобод, где работал его отец перед смертью. Представитель этой организации на похоронах говорил, что им недостает молодой крови. Хотя Герман и не работал в общественных организациях, но, может быть, там тоже есть интересная масштабная работа. При этом она такая благородная. Не зря там работал отец. Он что-то хотел изменить в окружающем мире. Может быть Герман как раз и сможет изменить. Может его ждет какой-то необычный интересный и сложный проект...

Также Герману нравилась и пришедшая вдруг мысль о создании своей собственной фирмы. Позовет в нее Сэма и Гиви работать. Вместе они очень быстро разовьются, сделают свою компанию лидером. А в будущем, может быть, превратят ее даже в корпорацию. А руководить всем делом, конечно, будет сам Герман. Верных Сэма и Гиви заместителями сделает.

С каждым днем мысли о работе становились все настойчивее и настойчивее. Он уже просто рвался обратно в город и начал надоедать Родиону своими разговорами о рынке, об офисе, о собственной команде. Бывший штурман, подумав, связался по рации с Большой землей:

– Человечка прихватите попутным судном!

Из невидимого далека обещали:

– Добро. Первым же попутным судном.

Но тут природа вдруг заупрямилась. Море начало штормить. Стихия разгулялась на целых две недели, а потом упал сильный туман. И снова начался затяжной шторм. Герман пробыл на острове еще месяц, и еще. Всего шесть, целых полгода.

Он здорово окреп. И чувствовал в себе столько сил, столько желания работать. Готов был горы свернуть в настоящем деле. И вот, наконец, распогодилось. С Большой земли на завтра обещали судно.

Вечером Родион достал из своих закромов фляжку спирта, плеснул по кружкам, выдохнул:

– Ну, что?.. За Мирагоу!

Герман поднес, было, кружку ко рту, но не выпил, спросил:

– А что такое Мирагоу?

Родион искренне удивился:

– Я думал, ты знаешь.

Герман покачал головой:

– Отец не раз обещал рассказать, но как-то все откладывал и откладывал. И не успел. Расскажи ты.

Родион кивнул:

– Конечно, расскажу... Мирагоу – это ущелье в Базании. Мы как-то летали в эту страну целых два месяца. Везли медикаменты, разную гуманитарную помощь. Так вот, аэродром там был построен рядом с этим ущельем. Когда-то полосу для взлета и посадки строили как раз с расчетом для пролета через Мирагоу, иначе слишком много пришлось бы джунглей очищать. Для маленьких самолетов ущелье вполне подходило. Хотя и славилось оно своим коварством – в целом достаточно широкое, но были в нем «Чертовы ворота» – две скалы перед поворотом. Между ними нужно пролетать с креном, а если по прямой пойдешь, то обязательно зацепишься за скалы. И еще там имелся «Язык дракона» – это такая каменная гряда поперек ущелья, которая начинается от большого утеса, точь – в точь вылитый дракон. Так вот, в ясную погоду самолетики там летали без проблем. Но часто в Мирагоу были туманы, и тогда аппараты бились на выходе из «Чертовых ворот» или падали, цепляясь за шершавый «Язык дракона».

Когда мы начали летать в Базанию, то хотя у нас и имелись все летные карты, нам было строжайше запрещено летать через Мирагоу. Там, правда, большому самолету и в ясную погоду тяжело пролететь. Поэтому мы использовали для взлета и посадки противоположную сторону аэродрома. Там специально для больших самолетов все-таки порубили, потеснили джунгли. И все было нормально. Но последние рейсы проходили в условиях военного переворота в Базании. Повстанцы стали сбивать из джунглей ракетами большие взлетающие или садящиеся самолеты. В последний прилет и нам досталось. Твой отец посадил самолет с горящим двигателем. Быстро починились, как смогли, и надо лететь обратно, увозить людей, которым грозила расправа от повстанцев. – Тут Родион усмехнулся. – В Базании такая традиция – смазывать волосы коровьим навозом. От этого они становятся твердыми и блестящими. Можешь представить себе запах в салоне от сотни с лишним голов... – он снова стал серьезным. – Так вот, к моменту, когда мы починили двигатель и подготовились к полету, повстанцы уже практически окружили аэродром. Взлетать, как обычно, было подобно самоубийству. А Мирагоу накрыл туман. Что делать?

Твой отец собрал нас – весь экипаж и сказал: «Если мы хотим выполнить нашу работу, спасти беженцев и себя, у нас есть только один путь – Мирагоу. Кто не уверен в предлагаемом решении, может остаться здесь и попытаться спрятаться в мини-бункере, продержаться там до подхода международных миротворческих сил – они будут часов через десять-двенадцать». Весь экипаж, конечно, поддержал твоего отца, решили лететь через Мирагоу. Он занял свое место, рядом – второй пилот...

Герман помнил:

– Александр.

– Да, Александр. Впереди под ними в штурманском колпаке – я. За собой слева командир поставил борт-инженера и за вторым пилотом – борт-механика.

– Евгения и Ивана.

– Правильно. Я прокладывал маршрут в тумане по приборам и по карте, и еще высматривал под собой «Язык дракона». Александр, как обычно, страховал командира. Евгений и Иван стали дополнительными глазами твоего отца. Они смотрели по сторонам, чтобы увидеть возможное сближение со скалами слева или справа.

Вот так, единым целым организмом в десять глаз, в десять ушей, в десять рук мы и летели через Мирагоу. Мы были готовы все вместе спастись или умереть. Прошли левым бортом совсем рядом со скалой «Чертовых ворот». И еще из тумана нас пытался лизнуть «Язык дракона». Не дотянулся. Мы выбрались... – Родион вздохнул, – И таким образом нарушили запрет на полеты через Мирагоу. Конечно, перед начальством могли оправдаться сложившейся обстановкой, но чтобы избежать всех объяснений и разбирательств, договорились экипажем отчитаться так, как будто вылетали обычным маршрутом, совершая предписанный в таких случаях противоракетный маневр (который в данном случае нас бы явно не спас). Так и сделали. И потому только мы впятером во всем летном отряде знали, как на самом деле все было и что именно спасло и наш груз, и нас самих. И потому пьем за нас, за нашу дружбу. В общем за...

Герман продолжил:

– За Мирагоу!

Родион кивнул:

– За Мирагоу!

Они чокнулись и выпили обжигающую жидкость, закусив копченым лососем. Наутро по хорошей погоде за Германом, как и было обещано, зашло попутное судно...

И вот такси подкатило к дому, в котором он не был шесть месяцев. Герман быстро расплатился, взял пропахшую морем, лесом и костром сумку, быстро вшагнул в подъезд.

За дверью его встретил пенсионер-консьерж. Встретил каким-то странным взглядом. Герман поздоровался:

– Привет, Борис. Как дела?

Тот как-то неловко откликнулся:

– Привет... здравствуй. Здравствуй, Герман... Давно... Мы как-то... И я...

Немолодой консьерж продолжал смотреть на него не то с жалостью, не то с той же все какой-то непонятной неловкостью. Герман вызвал лифт и, когда дверь кабины открылась, шагнул внутрь. Но нажать на кнопку своего этажа не успел. Его окликнул Борис, не по годам быстро подошедший к лифту. Он протянул Герману пачку писем:

– Вот, накопилось, пока тебя не было. Счета за электричество, за воду, в общем, всякое разное, – Борис оглянулся и добавил шепотом, – я тебя еще не видел...

Герман взял пачку и пожал плечами:

– Спасибо, хорошо.

И подумал про Бориса: «Хороший человек, но странный. Возраст, наверное, дает о себе знать...» Надавил на нужную кнопку панели лифта.

На площадке раскланялся с соседкой, выходящей из своей квартиры. Она посмотрела на Германа не менее странно, чем Борис. И почему-то тут же вернулась в квартиру. «Что здесь происходит?» – спросил сам себя Герман.

2. «Вы не имеете права быть членом ГО...»

Войдя в квартиру, бросив в прихожей сумку, Герман не сразу решил, с чего начать свое возвращение домой. С душа? С телефонного автоответчика, который, судя по мигающей лампочке, забит до отказа голосовыми сообщениями? Или с компьютера? Герман включил его, но испугался также забитого под завязку электронного почтового ящика. Еще он увидел на столе коммуникатор, который специально оставил дома уезжая. И не стал его включать. Пачка писем, которую передал ему консьерж, показалась Герману наиболее посильной работой по началу возвращения в город.

Герман по рабочей привычке быстро разложил письма по датам и организациям:

– Это счета за связь, это за воду, за энергию... Это просто реклама...

У него образовалось несколько стопок по темам и по одинаковым конвертам. Один из типов посланий был для него совсем незнакомым. Герман удивился тому, как много писем пришло ему от кого-то неизвестного, да еще и конверты последних из них по датам перечеркнуты по диагонали красной полосой. Он вскрыл первое из этой пачки. Прочитал:

«Уважаемый, Герман. Напоминаем Вам, что Вы не внесли взнос ЧГО. Пожалуйста, оплатите до ...»

Герман глянул на календарь. Это письмо пришло практически в день его отъезда. Следующее письмо из той же пачки:

«Вам надлежит срочно внести взнос ЧГО и штраф...»

Герман пожал плечами:

– Да оплатю я все. И взнос ЧГО оплатю, и штраф, раз заслужил...

Третье письмо было, однако, еще строже:

– «Необходимо немедленно внести взнос ЧГО, штраф и явиться для объяснения в отделение...»

Герман расслабленно усмехнулся:

– Так уж и явиться, так уж и для объяснения...

Но организация, рассылающая сообщения об оплате взноса ЧГО, не шутила и в следующем письме уже просто требовала:

– «Явиться немедленно...»

Герман насторожился и стал быстро вскрывать следующие по датам письма:

– «В связи с нарушением Контракта Вы переводитесь в категорию D...»

– «В связи с нарушением Контракта Вы переводитесь в категорию C...»

С Германа слетела вся его расслабленность. Его охватило беспокойство. От оставшихся писем он ожидал больших неприятностей. Так и есть, ему рекомендовали:

– «Пожалуйста, не покидайте город...»

А потом:

– «В связи с нарушением Контракта Вы переводитесь в категорию «В».

Это было более чем серьезно. Герман хотел тут же позвонить по указанному в письмах телефону и объясниться, но передумал, набрал номер Сэма в «ЛокИнформ»:

– Привет!

Друг откликнулся не сразу и как-то очень напряженно:

– Привет! Мы тебя тут все обыскали. Ты куда пропал?

– Неважно куда. Я вернулся, а тут такие письма пришли. Оказывается, я нарушил Контракт, и меня перевели в категорию «В».

Сэм ответил не сразу:

– Знаю. Про все категории. Мы все знаем. И Гиви. И Арон. И все сотрудники «ЛокИнформ». Нас всех опрашивали. Тебя не только мы искали. И ищут. Никто не знает, куда ты делся. Что случилось? На звонки, на электронные письма не отвечаешь...

Герман вздохнул:

– Да, я отключил телефон и почту. Так было надо...

А Сэм продолжал:

– И не оставил адреса. Даже Элика ничего про тебя не знает. Сказала, что ты куда-то собирался поехать отдохнуть, а куда точно, ничего не сказал. Тебя все считали без вести пропавшим... Элика, кстати, месяц назад замуж вышла.

– За кого? – автоматически спросил Герман, которого бывшая девушка уже давно «кстати» совершенно и не интересовала. Он только сейчас понял, что за все шесть месяцев на острове всего несколько раз подумал о ней. Вскользь. Значит, расстался с ней не зря...

Сэм ответил:

– Элика за нашего нового заведующего отделом она вышла...

И опять чисто автоматически полюбопытствовал Герман:

– За кого?

– За Гиви...

Герман как-то и не удивился вовсе, лишь снова вздохнул:

– Надо поздравить обоих. Но это позже. Сейчас... Что делать сейчас?

– Не знаю, – вздохнул и Сэм на другом конце трубки. – И у нас никто не знает. Такого в «ЛокИнформ» еще не было. Никто никогда не забывает делать взнос ЧГО. Это нарушение Контракта.

Герман согласился:

– Это точно. Никто никогда не забывает о взносе ЧГО. Это нарушение Контракта.... Переключи меня на Арона.

Но и его бывший начальник, человек более взрослый, чем они с Сэмом, ничем его не порадовал, сказал почти то же самое, что Герман только что слышал от своего друга:

– Не знаю, что тебе посоветовать. Никто никогда не забывает о взносе ЧГО....

«Никто никогда не забывает о взносе ЧГО. Это нарушение Контракта...»

Герман положил трубку. Он вспомнил слова Контракта. Вспомнил и то, как перед совершеннолетием учил их. Отец запер его с документом в комнате и сказал:

– Учи Контракт наизусть.

А Герман негодовал тогда. Он неплохо запоминал стихи, математические, физические и химические формулы. Но зачем нужно было заучивать документ, который всегда будет лежать у него дома в шкафу? Стоит только открыть дверцу...

Но отца Герман не мог послушаться и учил:

«Вступая в ряды Гражданского Общества и подписывая данный Контракт Члена Гражданского Общества, индивидуум принимает на себя обязательства соблюдать Кодекс Уголовных преступлений, Кодекс Административных преступлений и нарушений, а также прочие Нормы и Правила...

За несоблюдение Контракта начисляются штрафные баллы. При наборе суммы баллов, определенной приложением к Контракту, граждане переводятся в преступники следующих категорий:

Категория «D» – преступник слабой опасности,

Категория «C» – преступник средней опасности,

Категория «B» – опасный преступник,

Категория «A» – особо опасный преступник, Контракт расторгнут...

Лица, не имеющие Контракта перемещаются на Территорию Вне Юрисдикции Гражданского Общества (Территорию ВЮГО), на которой осуществляют поддержание своей жизнеде-

тельности самостоятельно на свой собственный страх и риск без какой-либо поддержки или ответственности со стороны Гражданского Общества...

Контроль за соблюдением Контракта со стороны Гражданского Общества ведет Агентство Исполнения Контракта (АИК)... Финансирование деятельности АИК происходит за счет специального взноса Члена Гражданского Общества (взнос ЧГО), который граждане вносят в сроки и размеры, определенные приложением к Контракту...»

Конечно, Герман выучил тогда все, что нужно. Даже и приложение к Контракту, в котором приводилась таблица начисляемых штрафных баллов за те или иные проступки, нарушения, преступления. Он знал и то, что членом Гражданского Общества можно быть, только имея подписанный с ним Контракт, и то, сколько баллов нужно набрать, чтобы тебе сделали замечание или перевели в категорию преступников, и то, когда и в каком размере он должен делать взнос ЧГО.

Как же он мог забыть то, что отец и мать твердили ему, как молитву, как заклинание:

– Ты можешь не платить за свет, за воду, за тепло, но взнос ЧГО – прежде всего. Не забывай, сынок...

И в школе им вдалбливали учителя:

– Обязательно...

И в университете напоминали преподаватели:

– Обязательно...

Герман отчетливо слышал, узнавал эти голоса:

– Обязательно... Обязательно... Обязательно...

Он же знал, он всегда знал, что неоплата взноса ЧГО – это серьезное нарушение, а длительное промедление более, чем в шесть месяцев, – это просто преступление, которое карается в соответствии с Контрактом.

Пока тебе не исполнился двадцать один год, взнос ЧГО за тебя делают родители или органы социальной опеки. А потом ты должен перечислять деньги самостоятельно. И Герман оплачивал и взнос ЧГО, и все другие налоги исправно, пока не началась нервотрепка на работе, пока не случилась авария с родителями, пока он не уехал, не сбежал на остров...

Агентство Исполнения Контракта сработало четко. Это из него пришли письма, перечеркнутые по диагонали красной полосой.

Зачем, зачем Герман все заучивал, если все равно нарушил то, чего нельзя нарушать ни в коем случае?

Он отодвинул от себя телефон и увидел еще один нераспечатанный конверт из АИК. Вскрыл его, прочитал:

– «В связи с нарушением Контракта Вы переводитесь в категорию «А»... Контракт с Вами расторгнут... Вы не имеете права быть членом ГО... Пожалуйста, позвоните по следующему телефону и дождитесь прибытия сопровождающих для перемещения на Территорию ВЮГО...»

Герман перечитал снова:

– «Контракт с Вами расторгнут...»

И снова:

– «Вы не имеете права быть членом ГО...»

И повторил:

– Не имеете права быть членом ГО...

В это было трудно, невозможно поверить. Но Герман понимал, знал, что это не шутка. Он совершил серьезное преступление. И Контракт должен был быть расторгнутым. И он расторгнут...

Герман не сразу понял, что зазвонил телефон. Отвык от урбанистических звуков и потому долго смотрел на аппарат, соображая. Наконец понял, что от него требуется и снял трубку. Услышал шепот консьержа Бориса:

– Сынок, они приехали. Только что прошли мимо. Не знаю, как они узнали, но они поднимаются к тебе. На лифте и по лестнице...

Короткие гудки.

Как узнали? Герман тут же вспомнил соседку, вернувшуюся при их встрече на площадке в свою квартиру. Она профукала доставшуюся ей по разводу от мужа долю пивоваренной компании и никогда не любила соседа – успешного по жизни парня.

«...Они поднимаются к тебе. На лифте и по лестнице...» И что теперь делать? «Дождитесь прибытия сопровождающих для перемещения на Территорию ВЮГО...» Дождитесь? Для перемещения? Нет, Герман был слишком полон и сил, и планов. Да, он был законопослушен. Но не до такой же степени! Он не дастся Агентству Исполнения Контракта. Не позволит переместить себя. По крайней мере, по собственному желанию.

«...Они поднимаются к тебе. На лифте и по лестнице...» Значит, за дверь нельзя. Только в окно. Но семнадцатый этаж...

И все-таки в окно. Когда Герман покупал эту квартиру – с помощью банка и родителей, – то ему больше приглянулась соседняя. Но отец, походив по свободным на тот момент квартирам в доме, посоветовал именно эту:

– Спальня выходит на Восток. И, посмотри, карниз у этого окна широкий до самой пожарной лестницы.

Совет насчет Востока Герман оценил быстро – встающее по утрам солнце будило гораздо приятнее любого будильника. А вот про карниз тогда он не понял. Думал, что ошибся отец. Какая от карниза польза? На нем только голуби все время собираются и урчат, и гадят там. Но сейчас до Германа дошло:

– Спасибо, отец.

В дверь позвонили. Он замер на месте. Еще позвонили. Затем постучали. И еще.

Герман открыл окно и спокойно шагнул на карниз. Скалы, по которым Родион заставлял его лазить на острове за яйцами птиц, были куда более серьезным испытанием. Здесь же Герман легко перешагивал через ленивых, обожравшихся доступной городской еды голубей. Те даже не взлетали. Только урчали недовольно. Но он не обращал на это никакого внимания. Знал: единственное, чего стоит здесь опасаться – это скользкий помет. Вниз, чтобы не закружилась голова, Герман привычно не смотрел. Да и незачем было туда смотреть. Те, кто прибыли по его душу, не должны были быть на этой стороне дома. Вряд ли они ожидают, что провинившийся уйдет через окно, да и вообще, что не будет послушно ждать их дома. И его мысли подтверждались, он слышал – они все еще вежливо стучат в дверь:

– Откройте, пожалуйста.

– Не дожидетесь! – Герман дошел до пожарной лестницы.

Спускаться вниз на улицу, он, однако, не стал. Мог там столкнуться с кем-нибудь из прибывших за ним. Герман поднялся по пожарной лестнице наверх. Там был переход на крышу соседнего дома. Он это точно знал, ведь когда въехал в эту квартиру, то позвал Элику встретиться на крыше рассвет с бутылкой вина и коробкой конфет. Ей, правда, не очень понравилось. Элика жаловалась, что сильно дует и что у нее кружится голова. Ему так и не удалось тогда полноценно насладиться открывающимся видом. Да и сейчас было недосуг.

С соседской крыши Герман попал в чужой подъезд, спустился вниз и вышел на улицу. Увидел – у его дома стоит фургон с надписью «АИК». Возле него – человек в униформе. Выжидающе смотрит на подъезд, у которого стоит, опустив голову, Борис.

Герман тут же нырнул в людской поток, который увлек его, понес по улице к центру города. Он послушно шел и никак не мог сообразить, куда же ему на самом деле нужно. И

вообще что теперь делать? Что делают люди без Контракта? Если таковые, конечно, еще имеются...

Он не находил ответов и просто шел. И час, и два, пока здорово не проголодался и не вспомнил, что последний раз ел в самолете. Не очень вкусно и потому немного. Думал, что прилетит, забежит домой и потом – в ресторан. А там закажет себе салат из авокадо, который не растет на острове Родиона, а потом – огромный ростбиф, не из такой свежей дичи, конечно, к которой он привык за шесть месяцев, но все же мясо...

Герман вышел из людского потока. Огляделся. Нашел глазами ресторан, кафе. Хотел было войти в ближайшее заведение, но вспомнил еще об одном атрибуте цивилизации, от которого на острове отвык так же, как и от домашнего телефона, и от коммуникатора с компьютером. Герман вспомнил о деньгах. Покопался в карманах. Нашел ключи от дома, которые почему-то, в отличие от портмоне с банковскими картами, не выложил на столик в прихожей. Впрочем, одна из карточек нашлась в нагрудном кармане. Хотя он и пользовался ей последний раз полгода назад, деньги на счету должны были быть.

Герман – специалист по информационным коммуникациям – не рискнул, однако, пойти с этой картой в ресторан. По ней, как и по забытому дома коммуникатору-телефону, можно очень легко отследить его местонахождение. Подумав об этом, Герман спросил себя о том, как же тогда люди из АИК не нашли его раньше по именному авиабилету, который он оплачивал этой вот банковской картой. И сам себе ответил:

– Потому что билеты я покупал только на часть пути. По попуткам же и случайным рыболовецким судам меня, видимо, вычислить оказалось невозможно.

Но в АИК могли знать, что он использовал обратный билет на самолет. И может быть, поэтому пришли за ним именно сегодня? И тогда нелюбящая его соседка ни при чем, вовсе и не она сообщила о его возвращении? Может быть...

Герман смотрел на банковскую карту ностальгически – столько зарплат по ней получил. А еще с ее помощью покупал еду, одежду, мебель. По этой же карте платил за рестораны, в которые водил свою девушку, девушку Элику – теперь совсем чужую девушку...

Снова пошарил в карманах – только мелочь. Последнюю бумажку он отдал таксисту, который привез его из аэропорта домой. Вдохнул и решил попробовать снять с карты деньги через банкомат.

Герман выбрал один, стоящий на перекрестке, с которого хорошо просматривались обе улицы. Сунул в аппарат карту, обозначил на дисплее сумму, нажал «Выдать» и протянул было руку за купюрами. Но банкомат денег не выплюнул. Но впрочем и не отказал, и не сообщил, что карта заблокирована. Нет, просто на дисплее появилась фраза:

«Ваш запрос обрабатывается...»

Герман обрадовался было обнадежено, но чем больше времени проходило, тем большая тревога овладевала им. Прошла минута, две, а банкомат так и не спешил выдать ему деньги. Денежная машина явно не спешила, и он прервал операцию.

Карта послушно выскочила обратно в руку. Герман огляделся и быстро перешел улицу, из-за какого-то неработающего киоска стал наблюдать за банкоматом. Он увидел, как с разных сторон к перекрестку подъехали две машины с надписью «АИК». Из них вышли люди и в униформе, и в штатском. Они окружили банкомат, сошлись разом и разом же стали оглядываться по сторонам.

Герман спрятался за киоск. Да, карта была ему больше не нужна. Хотя просто выбрасывать этот кусок пластика было все-таки жалко. Как описывалось в книгах, которые он читал и в школе, и университете, в Доконтрактные времена любую действующую банковскую карту можно было легко продать «темным личностям». Эти особые люди занимались сбытом краденного, фальшивого, наркотического и прочего криминального. Но с введением Контракта «темные личности» перевелись. Так что карта была теперь уже совершенно бесполезной. Гер-

ман просто бросил ее в урну и стал собирать мелочь по карманам. Прикинул – ее должно было хватить на пару бутербродов.

Отойдя подальше от опасного перекрестка, Герман нашел уличный автомат по продаже бутербродов. Собрался было забросить в него мелочь, но, увидев маркировку на аппарате, передумал. Достал из кармана ключи от дома. На них болтался брелок. Это был не просто брелок, но автономный информационный накопитель, где среди прочих важных вещей была специальная программа – «отмычка». В информационной компании «ЛокИнформ», имеющей дело с охранными системами, это была очень полезная вещь. С помощью данной программы можно было «взламывать» различные коды, информационную защиту многих приборов и аппаратов, которые приходилось обслуживать по работе. «Отмычка» всегда должна была быть под рукой у сотрудников компании. Вот и сейчас пригодилась.

Конечно, на банкомат, включенный в постоянно контролируемую финансовую систему, не стоило покушаться. Но автомат по продаже бутербродов – вполне в такой ситуации подходящий объект. Герман улыбнулся и нажал кнопку «Скан». Еще пара манипуляций и из автомата выпало в лоток три бутерброда, в чашку полился горячий кофе с молоком.

Герман присел с добычей на скамейку. Развернул упаковку и впился зубами в первый бутерброд. Не ростбиф, конечно, но все-таки... Он съел и второй бутерброд, и третий. Запил еду кофе. Так себе кофе, конечно. Но кофе. Внутри стало теплее и комфортнее. Герман огляделся.

Людей на улице становилось меньше. Рабочий день закончен. Герман не был голоден, но нужно было позаботиться о ночлеге. Домой возвращаться нельзя. И тут он вспомнил те вечера, когда сквозь дрему слушал рассказы Родиона о том, как нужно уходить от слежки, как не попасться в капканы, расставляемые преследователями. Тогда он ведь и предположить не мог, что услышанное может ему пригодиться. Пригодилось ведь. Да еще и так скоро.

Герман подумал о Сэме. Едва ли стоило к нему обращаться – за другом могли следить. А к кому еще? К Элике с Гиви? К Арону? Но это все то же самое, что и с Сэмом...

Еще можно было к Александру, или к Евгению, или к Ивану – к кому-нибудь из членов бывшего экипажа отца. Наверняка они с радостью встретят его, конечно, приютят, помогут. Но если и за ними следят? Вот ведь, в родном городе, а переночевать без опаски не у кого. И в гостиницу не сунешься, там нужно предъявить и документы, и деньги.

Герман свернул с центральной улицы. Прошел по незнакомой второстепенной, свернул наобум и уткнулся в человека, который запирает дверь рядом с уже запертыми большими воротами. В обе стороны от них тянулся забор.

Человек приветливо посмотрел на Германа:

– Тупик здесь, стройка идет...

– Да, наверное, заблудился, – кивнул Герман и развернулся.

Дальше поворота, однако, он не ушел. Дождь, когда запирающий человек сядет в машину и уедет от ворот. Домой. Не иначе как к теплому душу и прохладной жене с ростбифом и кроватью.

Герман вернулся к двери. Сходу по электронному замку и датчикам узнал охранную систему – «ЛокИнформ» разрабатывала и устанавливала такие же. Обычно их используют в полностью автоматизированном виде. И если это тот самый случай, то на стройке совсем не должно быть людей. И значит, до утра там можно скрыться, найти местечко переночевать.

С помощью своего брелка-«отмычки» он без труда открыл и снова закрыл за собой дверь. Прошел через небольшой временный офис, оказался на открытой площадке – действительно стройка. Уже возведено несколько этажей, судя по всему, офисного центра. Герман осторожно обошел строящееся здание вокруг и убедился, что на территории за забором никого нет. Шагнул внутрь возводимого дома. Поднялся по лестнице на второй этаж и там нашел комнатку с залежами какого-то приятного на ощупь утеплителя. Герман расстелил его на полу – полу-

чилась шикарная многоспальная кровать. Он присел, прилег и с удовольствием потянулся, растянулся, зевнул и тут же, утомленный дальней дорогой и всем тем, что случилось с ним в родном городе, заснул. Заснул крепко. Но и сквозь этот крепкий сон почувствовал странный запах. Какой-то и знакомый, и совершенно неуместный на стройке. И вовсе нетревожный такой запах...

И еще до него долетал как бы шепот. «Но на стройке никого не должно быть», – размышлял его чуть встрепенувшийся мозг и отказывался просыпаться полностью, – «Не может быть...»

Герман открыл глаза на рассвете. Родион научил его:

– Посмотри на часы – на те, что есть, или на воображаемые – это не важно. Посмотри и отметь то время, когда тебе нужно встать. Все, теперь можешь спать спокойно – проснешься точно в нужное время.

Как ни удивительно, но это работало. Герман легко просыпался во столько, во сколько ему требовалось. И в избушке Родиона, и во время их островных походов под деревом или на морском берегу.

Герман встал, уложил утеплитель так, как тот лежал до него. Выглянул в окно. На стройке по-прежнему еще никого не было, но он поторопился выбраться, чтобы не столкнуться с кем-либо из самых ранних работников.

Выйдя за забор, Герман покрутился на маленьких улочках в раздумьях. Дважды прятался в незапертых подъездах домов, когда мимо проезжала сначала патрульная машина полиции, затем Агентства Исполнения Контракта. Конечно, он понимал, что вряд ли они ищут его таким вот образом, просто обшаривая все улицы города. Но все-таки Герман нервничал и прятался. Вбежал на второй, третий этаж чужого дома, останавливался и смотрел на улицу через окно. Если сталкивался на лестнице с кем-либо, то делал вид, что уверенно идет к кому-то в этом доме.

Он смотрел на улицу и вспоминал из книжек, что в Доконтрактные времена все подъезды запирались от преступников. А потом опасных элементов почти не стало, и люди начали экономить на замках. Герман был благодарен бережливым гражданам.

Когда город окончательно проснулся и заполнился спешащими и не очень людьми, он решил действовать. Кто еще мог помочь Герману, кроме друзей? Вдруг он слишком подозрителен и за ними совсем-таки не следят? Снова позвонил в «ЛокИнформ» Сэму:

– Привет.

Тот живо откликнулся:

– Привет. Где ты? Как ты?

Но Герману было не до формулировки ответов на эти вопросы:

– Мне нужна твоя помощь.

Сэм ответил с готовностью:

– Да, конечно. Что нужно сделать?

Герман спокойно сказал:

– Мне нужны документы на другое имя и деньги.

Вот тут Сэм растерялся и ответил не сразу:

– Но, но... документы... это же, это же незаконно...

Герман согласился:

– Знаю. Но что делать?

Сэм помолчал, а потом не очень уверенно предложил:

– Сдаться АИК.

На это Герман лишь усмехнулся:

– А ты знаешь, что со мной там сделают? Мой Контракт расторгнут...

– Но мы будем ходатайствовать, – быстро заговорил Сэм. – От отдела, от всей компании. Мы уже говорили об этом с Ароном. Он тоже будет за тебя, с нами вместе, мы все вместе. Там ведь тоже люди работают, разберутся...

Герман остановил этот бессмысленный поток слов:

– Поздно, Сэм, слишком поздно. Меня уже легально ничто, никто спасет. Не можешь помочь с документами, то хотя бы подбрось денег. Правда, когда верну и верну ли вообще, этого я сейчас не знаю.

Друг ответил быстро:

– Конечно, конечно. Сколько тебе нужно?

– Сколько сможешь...

Они договорились встретиться у кафе, недалеко от которого стоял сейчас Герман, и в которое часто ходили раньше все вместе после работы. Подходы к нему просматривались изда- лека. Вот на том стуле обычно сидел Сэм, рядом – его девушка. А вот на этом – Элика. И рядом сидел сам Герман. Обычно ждали Гиви, который всегда опаздывал. Но вот ведь с Эликой хоть и опоздал, а все-таки она теперь его. Счастья им в личной жизни...

Сразу же после разговора с Сэмом Герман занял позицию для наблюдения. Он ждал недолго. К кафе подъехала знакомая машина – все еще на той же ездит. Его друг вышел и, покрутив головой, сел за столик, на то самое обычное свое место.

Еще Герман увидел, как у кафе тут же появились типы без формы. Они явно были из АИК. Идти на встречу было нельзя.

Герман не думал, что Сэм его предал. Нет, просто за его друзьями, да и за сослуживцами, соседями, определенно следят. Прослушивают разговоры, просматривают почту. Все идет так, как описывал ему, рассказывая о таких случаях Родион...

Конечно, Герман не вышел к Сэму. Приканчивая карманную мелочь, с другого уличного телефона он позвонил Гиви. Назначил встречу у другого кафе.

Бывший друг пришел вместе с Эликой, платье которой, сшитое для свадьбы с Германом, не пропало даром. Гиви пришел с женой, наверное, чтобы заодно всем и объясниться. Герман разглядывал Элику. Его бывшая девушка, как и прежде, была хороша, красива. И, конечно, Элика умна. Очень умна, но она не как мама, которая так ждала отца...

Рядом и с этим кафе оказались то ли те же, то ли уже другие типы из АИК. Да, встреча с молодоженами тоже не удалась.

Колеблясь, Герман позвонил начальнику. И с Ароном все повторилось. Как Герман и предполагал (спасибо Родиону), все люди, которые могли ему помочь, были под колпаком Агентства Исполнения Контракта.

Герман не думал и даже думать не хотел о том, что кто-либо из близких ему людей мог оказаться предателем. Вместе с тем он вспомнил строки Контракта:

«Каждый гражданин обязан оказывать содействие Агентству Исполнения Контракта в обнаружении и перемещении нарушителей Контракта. Отказ от содействия рассматривается как нарушение Контракта...»

Герман повторил вслух:

– «В обнаружении и перемещении...»

Его будут искать и перемещать... Он думал об этом вечерами, устраиваясь на ночлег в «своей» комнате на стройке. Засыпал снова, как и до острова, беспокойно. Почти каждую ночь ощущал один и тот же странный запах. И как бы слышал шепот одних и тех же голосов. Ему стали сниться странные цветные сны. То Герман оказывался в тропиках, расхаживая по джун- глям в набедренной повязке. То в пестром вигваме курил трубку мира с пестро же раскрашен- ными индейцами, предъявившими ему Контракт. А то просто гулял по внезапно оказавшейся под ногами радуге, удивляясь ее твердости, упругости, пытаясь попробовать ее на вкус...

Просыпаясь, он прикоснулся ко лбу – не горячий ли, не заболел ли. Это было бы очень не вовремя. Но температуры не было, и свои странные сны Герман списывал на нервное напряжение. Кто бы в такой ситуации так не напрягался. Хорошо еще, что он все-таки достаточно крепко спит, высыпается и потому хорошо чувствует себя физически.

Днем Герман прогуливался по городу все так же, не зная, что делать. К друзьям, знакомым нельзя. В гостиницу нельзя. На работу устроиться нельзя. «Вы не имеете права быть членом ГО...» Вот он уже и практически не является. Просто существует рядом с настоящей человеческой жизнью.

Во время одной из прогулок Герман наткнулся на информационную доску АИК. Из любопытства глянул на нее и остолбенел. Рядом с фотографиями неизвестных ему людей увидел свою. Под ней прочитал: «Разыскивается опасный преступник – растлитель малолетних». Прочитал и шарахнулся в сторону. Как можно быстрее отошел от информационной доски.

На другой улице Герман остановился у телевизора в витрине магазина и в рубрике «Новости АИК» снова увидел себя. Диктор повторил то же самое, что он прочитал о себе несколькими минутами раньше:

– Разыскивается опасный преступник – растлитель малолетних...

Герман был просто ошарашен. Что подумают о нем Сэм, Гиви, Элика, Арон? А члены экипажа отца, их семьи? А консьерж Борис? А соседи по дому? А коллеги по «ЛокИнформ»? А просто знакомые? Кто-то же наверняка поверит. Ведь так бывает по жизни, что за внешностью довольного, успешного по жизни парня кроется какой-нибудь извращенец, которого, конечно же, нужно срочно изолировать от общества, переместить на Территорию ВЮГО. И он снова вспомнил:

«Каждый гражданин обязан оказывать содействие Агентству Исполнения Контракта в обнаружении и перемещении нарушителей Контракта. Отказ от содействия рассматривается как нарушение Контракта...»

Герман с опаской шел по улицам. Но никто из окружающих то ли его не узнавал, то ли просто лень было людям вглядываться во все встречаемые лица. А может нельзя было в нем теперешнем узнать того молодого человека, что так довольно улыбался с фотографии.

Да, его не узнавали, но где гарантия, что рано или поздно не узнают. Нужно, нужно было что-то делать. Нельзя же вечно жить на стройке и слоняться по улицам без документов. Каким-то образом следовало легализоваться, снова влиться в жизнь общества. «Но как?», – снова и снова спрашивал себя Герман. Снова и снова не находил ответа...

3. Линда и Тильда

В один из вечеров он загулялся в раздумьях и когда вдруг огляделся по сторонам, то увидел, что улицы уже опустели. Поторопился к себе на стройку, но все равно вошел на территорию гораздо позже обычного. Бесшумно шагнул на слабо освещенную лестницу, чтобы подняться в «свою» комнату. Сделал несколько мягких шагов и наткнулся на двух девушек, сидящих прямо на ступеньках. Они курили. Увидев его, перепугались так, что даже не вскрикнули, не сказали и слова.

Пока они были парализованы неожиданностью появления Германа, он хотел было рвануть вниз по лестнице и далее прочь со стройки, но заметил, что вполне совершеннолетние девушки испугались как-то странно. Одна резко бросила сигарету на пол, да еще и наступила на нее. Вторая спрятала руку за спину.

Герман выдержал паузу. Девушки немного пришли в себя, заговорили, в разноречивой оправдываясь:

– Мы сейчас уйдем... Мы сюда случайно зашли... А тут какие-то сигареты лежали... Это не наши... Можете забрать... Вот...

Вторая вытащила руку из-за спины и протянула Герману то, что оказалось вовсе и не сигаретой, а самокруткой. И тут он снова почувствовал тот самый запах, что снился ли ему на стройке почти каждую ночь. И догадался – это же марихуана, о которой и читали в книгах, и шептались студенты в университете. А некоторые, несмотря на запреты, даже покуривали неизвестно откуда добываемое зелье. На одной из вечеринок и Герману втихую предлагали попробовать. Он тогда отказался, но запомнил этот специфичный запах.

Марихуана – наркотик. Его употребление означает преступление, нарушение Контракта. Вот почему девушки так испугались Германа. Ведь он же, как и «каждый гражданин обязан оказывать содействие Агентству Исполнения Контракта в обнаружении и перемещении нарушителей Контракта...»

Этих девушек, которые сами были нарушителями Контракта, можно было вовсе и не бояться. Он задумался над тем, что им сказать и что вообще делать дальше, имея таких вот соседей. Тем временем первая девушка рассмотрела его лицо в тусклом свете дежурной лампы и остановила вторую, продолжающую оправдываться девушку:

– Постой, постой... Кажется я его знаю. Да, парень, я тебя видела. Тебя показывали по телевизору...

Вторая тут же отдернула руку с добровольно выдаваемой было самокруткой обратно, присмотрелась:

– Точно. Тебя ищут. Ты – преступник. Какой день уже твою фотографию крутят...

Девушки переглянулись и вспомнили в один голос:

– «Разыскивается опасный преступник...»

Герман закончил за них:

– «...растлитель малолетних...»

Девушки снова переглянулись:

– Да, так и было...

Он улыбнулся:

– Значит, я преступник. Такой же, как и вы.

Девушки замялись:

– Мы... Но мы... А ты... Ты вот...

Герман продолжил:

– Только бояться вам меня не стоит. Вы же не малолетние.

Первая девушка уже пришла в себя, осмелела:

– А может быть мы и не против побыть немного малолетними.

Вторая тоже успокоилась, поднесла тлеющую самокрутку к губам и затянулась, задержала наркотический дым в себе, выдохнула:

– Ну и ладно, что ты растлитель. Главное, что нас не выдашь.

Герман кивнул:

– Не выдам.

Первая стала скручивать новую самокрутку взамен той, что раздавила ногой:

– Курить будешь?

Он, как и тогда, на студенческой вечеринке, хотел было отказаться, но передумал:

– Давай.

Что его толкнуло на этот шаг, Герман в тот момент и сам не понимал. Но он взял протянутую и раскуренную самокрутку, и потянул, потянул, пока не начал ощущать в голове легкий дурман. И тревога начала отступать, и ему становилось как-то легче и проще.

Герман затягивался снова и снова. Он уже не думал ни о Контракте, ни об АИК. Герман с интересом осматривал девушек. Они обе были ничего – с приличными фигурами и на лицо симпатичные. Последнее слово он, не заметив, произнес вслух:

– Симпатичные...

Первая кивнула:

– Я – Линда, – и указала на вторую. – Она – Тильда.

– Герман, – он снова затянулся и прикрыл глаза.

– Ты как сюда попал? – спросила Тильда. – Двери и ворота закрыты.

Герман улыбнулся:

– Я фокусник, волшебник, иллюзионист...

– А серьезно? – не отставала Линда.

– А серьезно... Просто умею открывать электронные замки.

– Вот здорово! – воскликнула Тильда.

– Да, полезный талант, – согласилась Линда.

Герман открыл глаза:

– А вы как сюда пробрались?

Тильда весело блеснула глазами:

– По правилу забора.

Он не понял:

– Как это?

Тильда глянула на Линду, та пояснила:

– Ну, раз есть забор, то где-то в нем обязательно должна быть дырка.

Герман не понял:

– Здесь же охранный периметр. Сигнализация должна была сработать.

Девушки растерянно переглянулись:

– Не сработала.

– Не сработала, – Герман кивнул и снова затянулся. – Каждый вечер сюда приходите?

Тильда кивнула:

– Ага, почти. Здесь ведь никого нет. А мы недалеко живем.

– А травку где берете?

Линда насторожилась:

– А тебе-то что?

Герман пожал плечами:

– Да ничего... Думаю, в магазине покупаете.

Тильда засмеялась:

– Ага, в магазине. В супермаркете. В разделе «Молодежные товары»...

Линда тоже улыбнулась:

– Сами выращиваем.

Герман кивнул за окно:

– Здесь на стройке.

Тильда снова засмеялась, а Линда покачала головой:

– Здесь днем столько народу, что если не выкорчуют специально, так просто затопчут.

Дома у себя на крыше выращиваем между крапивой. Мне доктор от анемии рекомендует крапиву есть. Так что я ее совсем легально посадила на крыше. Ну и коноплю внутри. Никто через крапиву к ней не полезет.

– Здорово, а? – смотрела на него Тильда.

– Здорово. – Согласился Герман. Ему уже было совсем хорошо с этими добрыми, ничего от него не скрывающими девушками. – Вы умные и красивые...

– И ты ничего, растлитель, – хохотнула Тильда.

– Да, почти красавчик, если отмыть, – подтвердила Линда. Она глубоко затянулась и посмотрела на подругу. – А может, правда, отмоем?

– У нас вода есть, – согласно кивнула Тильда, – и холодная, и горячая...

Герман очень даже не возражал:

– Да я бы с удовольствием.

Линда отвела Тильду в сторону. Они пошептались о чем-то. Потом вернулись. Молча докурили то, что у них было с собой. В который раз переглянувшись, встали, потянули Германа за руки:

– Идем к нам. Не бойся. Мы живем вдвоем, больше никого нет. Помоешься, как человек, а то от тебя уже, кажется, пахнет.

Он рассмеялся:

– Это травкой...

Линда ткнула кулачком в его живот:

– И есть ты, наверное, хочешь?

Тут он – живущий на бутербродах и сосисках из взламываемых автоматов – полностью согласился:

– Хочу. Чего-нибудь бы домашненького...

Линда на это, однако, поморщилась:

– Ну, с домашним у нас не очень...

– Зато дома бутылка вермута есть, – похвасталась Тильда. – Настоящего. Из магазина.

– Ну тогда, идемте, – послушно встал Герман. Он был так рад, что у него есть приятели, которые, подобно ему, избегают АИК, которые готовы помочь незнакомому (но явно симпатичному) беглецу, которые позаботятся о нем – помогут, покормят.

Втроем они вышли из подъезда, обошли дом и отодвинули в заборе крепкую, но, как оказалось, держащуюся на одном гвозде доску. Протиснулись по очереди в образовавшуюся дыру. Вернули доску на место. Герман автоматически отметил мысленно, что сигнализация охранной системы не сработала: «Надо бы разобраться почему...» И тут же возразил себе: «А зачем разбираться? Я же больше не работаю в «ЛокИнформ»...»

Линда и Тильда жили в квартале от стройки. На девятом этаже девятиэтажного дома. Прямо с балкона их квартиры на крышу вела крутая лестничка. Они поднялись друг за другом. Как в замедленной съемке Герман видел перед собой то напрягающиеся, то расслабляющиеся на ступенях женские ножки. И даже, засмеявшись, тихонько ущипнул одну из них, самую близкую. Сверху раздалось хихиканье.

Тильда гордо показала на отгороженный участок крыши. Он весь был в высокой развесистой крапиве. Линда палкой раздвинула жгучие стебли. За ними была конопля.

– Лучший сорт, – заметила Тильда.

– Да, – подтвердила Линда, – мы долго выбирали, советовались с друзьями...

Герман присел было, думая, что они продолжают курить здесь же, но девушки потащили его вниз:

– Что ты... На крыше нас застукают соседи.

В квартире Линда и Тильда, смеясь, стащили с него одежду и запихали в душ:

– У нас есть горячая вода...

Он с удовольствием постоял под теплыми струями. Осмотрел полочки в ванной и побрился найденным станком. Он явно использовался для женских нужд. Но его это не смутило, а наоборот позабавило. Герман водил лезвием по щекам, представляя, что это и не щеки вовсе, а ноги или подмышки Линды ли, Тильды ли. И это казалось так смешно, так смешно.

Улыбаясь во весь рот, он вышел из ванной. Ему было тепло и приятно. Натянул брюки, а не очень чистую рубашку поднимать с пола не стал.

Девушек нашел на кухне – они жарили гренки. Линда посмотрела на него бритого и розового после теплого душа:

– Мы не ошиблись. Правда, красавчик.

Тильда кивала согласно:

– Красавчик.

Линда кивнула на гренки:

– С домашним у нас не очень...

А Тильда сунула в его руки бутылку вермута:

– Открывай. – Сама же полезла в холодильник. Достала лед. Поставила на поднос бокалы.

Как только гренки были готовы, они перебрались в комнату на тахту. Выпили вермута, и Герман разомлел окончательно. В желудке было тепло, в голове – ни одной мысли, а рядом две девушки. У него уже полгода не было ни одной. А тут сразу две.

Линда придвинулась к нему вплотную сбоку горячим:

– Чтобы тебя лучше слышать, растлитель.

Тильда мягко приобняла со спины:

– И меня тоже слышать...

Они пили вермут, а потом снова закурили, забыв беспокоиться о запахе, который останется от травки в их квартире. И еще зажгли свечи, включили какую-то приятно-забавную музыку. Девушки то болтали о чем-то своем, непонятном Герману, то вспоминали о его существовании и рассказывали о себе, о том, как они познакомились, подружились еще в колледже, как пытаются вместе устроиться на работу:

– Представляешь, хотим работать вместе. А нас в разных местах только по отдельности берут.

– А мы не соглашаемся.

– Мы хотим быть вместе. Понимаешь?

Герман кивал:

– Понимаю.

– А они не понимают.

– Понимаю, – прижимал он крепче то одну, то другую, то обеих вместе. Они были такие мягкие, такие податливые. И пытливые:

– А ты, ты как стал этим... как его...

– Растлителем?

– Точно. Растлителем малолетних.

Герман честно рассказал, что никакой он не растлитель – просто злостный неплательщик взноса ЧГО.

– Взнос ЧГО?! – в ужасе переглянулись и чуть было не отпрянули девушки.

– Взнос ЧГО, – спокойно подтвердил Герман и снова покрепче прижал их. – Помогите мне девчонки. Мне бы документы какие-то заиметь. И денег немного на первое время. Я потом верну. Знаете, я ведь работающий, очень работающий. Я умею зарабатывать. Я в такой фирме крутой работал. Начальником. Большим начальником. Я верну. Честное слово. Будут документы, я сразу на работу устроюсь, на хорошую, и деньги сразу же верну, в ресторан вас поведу...

Линда гладила его по волосам:

– Да мы верим, верим, растлитель ты эдакий... Только с деньгами у нас не очень. Работы нет. Хорошо еще, что у нас травка своя. А вот вермута была последняя бутылка, так мы же на тебя не пожалели.

Тильда размашисто кивнула:

– Не пожалели.

И Герман подтвердил:

– Не пожалели, – поцеловал обеих по очереди. – А документы? Документы можете?

– А документы... – задумалась Линда, – а документы сделаем.

Тильда снова размашисто кивнула:

– Сделаем.

Герман обрадовался:

– Правда?

Линда провела пальцем по его губам:

– Правда. Есть у нас один человечек в АИК. Он для нас сделает все, что угодно.

– Все, что угодно, – повторила Тильда и, опережая Линду, поцеловала Германа в губы.

Он тут же крепко прижал их обеих. Девушки были не против. Смешались груди, руки, ноги...

Засыпал Герман с блаженной улыбкой на губах. В обнимку с прильнувшими к нему Линдой и Тильдой. Завтра, завтра же он начнет новую жизнь. Прощай, стройка! Прощай, АИК! Прощай, «ЛокИнформ»! А это кто? Прощай, Элика!

– Я – Линда...

Он не обратил внимание на это возражение. Герман уже снова гулял по радуге. По твердой и упругой. И махал вниз на землю:

– Прощай, Элика!

– Я – Тильда... – слышалось в ответ.

Герман всматривался в теснившуюся внизу цветную толпу зевак – тропических аборигенов, классических индейцев и бутиковых сослуживцев. Всматривался и находил знакомое лицо:

– Элика! Прощай, Элика!

– Инспектор Юрико весь в внимании, – отвечала она опять же чужим голосом.

– Элика! Прощай, Элика! – он видел, явно видел. И шептал во сне. Снова и снова. Что Герман хотел ей сказать с радуги, кроме «Прощай»? Что и зачем? Задумавшись, потерял ее из вида и снова крикнул:

– Элика! Прощай, Элика!

Снова и снова всматривался, а что-то очень жестко уперлось ему в бок, отвлекало. И кто-то снизу из толпы все продолжал и продолжал повторять в радужные небеса:

– Инспектор Юрико весь в внимании... Инспектор Юрико весь в внимании...

Герман потрогал, ощущал то, что упиралось ему в бок – это было похоже на ботинок. Открыл глаза. На него сверху вниз смотрел какой-то незнакомец в форме АИК:

– Вставай, Герман, ты неплохо позабавился, но пора...

Просыпаясь, Герман всматривался в лицо и не узнавал:

– Мы знакомы?

Человек в жестком ботинке улыбнулся:

– Мы знакомы, Герман, знакомы.

А он продолжал всматриваться:

– Не припоминаю.

Улыбчивый незнакомец махнул рукой:

– И не пытайся вспомнить. Это я с тобой знаком. Ты меня не знаешь. И хорошо бы никогда не знать меня. Когда люди знакомятся со мной, то оказывается, что для них уже слишком поздно менять что-либо в их жизни. Я – инспектор Юрико. Инспектор по делам перемещаемых на Территорию ВЮГО...

– Инспектор... – все всматривался и всматривался в незнакомое лицо Герман.

– Да, – кивнул Юрико. – И ты меня не знаешь. Но, как я уже сказал, я тебя знаю. Отлично знаю: ты – преступник, нарушивший Контракт. И, кроме того, ты – преступник, пытающийся скрыться от Агентства Исполнения Контракта. У меня на рабочем столе целое досье на тебя. Ты весьма опасный для общества человек...

– «...по делам перемещаемых...», – все еще не понимал Генрих. Голова была такой тяжелой.

Он снова закрыл глаза и начал вспоминать. Смерть родителей, далекий остров, Родион, возвращение домой, побег по карнизу, неудачные попытки встречи с друзьями, фотография растлителя малолетних на информационном стенде, стройка, две девушки с марихуаной и вермутом, такие...

Герман распахнул глаза и посмотрел по сторонам – рядом с ним было пусто:

– А где?

Его поняли:

– Линда и Тильда?

– Да, – он вспомнил подсказанные имена, – Линда и Тильда...

Инспектор Юрико кивнул в сторону:

– Девочки в душе. Приводят себя в порядок.

Герман кивнул:

– Они..., они тоже перемещаемые?

Юрико, однако, отрицательно покачал головой:

– Нет, девочки не совершали таких тяжких преступлений, как ты.

Герман пожал плечами:

– Они вообще ничего не совершали.

Инспектор на это только рассмеялся:

– Не заступайся, о, благородный Герман. Эти лесбиянки выращивают и употребляют запрещенное наркотическое зелье. Начихав на законы.

Герман удивился:

– Лесбиянки?

Юрико развел руками:

– Ну, извини, судя по всему, бывают у них и мальчики... Но хватит разговоров. вставай, одевайся.

Герман посмотрел на окно. Юрико, однако, перехватил его взгляд:

– Давай без глупостей. В этот раз не получится. На крыше, на лестнице, вокруг дома – мои люди.

Герман нашел брюки, поднял с пола грязную рубашку. Молча оделся.

– Руки, – сказал Юрико, подставляя готовые захлопнуться наручники.

– Вы что, поведете меня как преступника? – ужаснулся Герман.

– Почему как, – усмехнулся инспектор, – ты и есть настоящий преступник.

Герман опять все вспомнил и кивнул:

– Ну, да, – и подставил запястья. Он нарушил условия Контракта, он – преступник категории «А»...

Наручники шелкнули. Юрико кивнул на дверь:

– На выход.

Герман, однако, не торопился уходить:

– Но как вы меня... Это случайно? Из-за девушек? Вы за ними следили?

Инспектор покачал головой:

– У нас ничего не бывает случайно. За девочками мы не следили.

– Но тогда как? – не понимал Герман.

Юрико на миг задумался, решая, видимо, объяснять ли что-либо преступнику или все-таки уводить его уже. В это время дверь в ванную открылась и из-за нее вышли полностью обнаженные совсем блондинка Линда и совсем брюнетка Тильда. Они держались за руки.

Инспектор усмехнулся:

– У них спроси.

Герман не понял:

– О чем?

Линда и Тильда, глянув на него, пожали плечами:

– Извини.

И тут он понял, сообразил:

– Так вы..., вы что, вы сдали, вы предали меня?

Инспектор Юрико поморщился:

– Какие высокие слова. Кто ты им и кто они тебе.

Девушки не смущались ни своей наготы, ни вопроса Германа:

– Ага, сдали, ...предали, ...позвонили инспектору. Вот он и приехал...

– Но почему, зачем? – и догадался. – У вас нет работы. У вас нет денег. И даже ваш последний вермут я выпил.

Линда и Тильда переглянулись и снова пожали плечами:

– Нам просто нужно было поменять категорию.

Герману эти слова ничего не говорили:

– Поменять категорию?

Тут девушки обеспокоено посмотрели на Юрико:

– Вы же меняете нам категорию?

Тот их заверил:

– Считайте, что уже сделано. Зайдете после обеда ко мне, заполним все необходимые документы. Не забудьте, а то и я забуду...

– Нет, мы сразу же. Сразу же после обеда...

Герман все еще не понимал:

– Поменять категорию?... Документы?..

Инспектор спокойно объяснил:

– У девушек в связи с неоднократным нарушением Контракта по пунктам Кодекса Уголовных преступлений о выращивании, употреблении, а кроме того и распространении наркотиков, набралось штрафных баллов на категорию «В». Они у нас в АИК состоят на особом учете – еще немного и их перевели бы в категорию «А». Думаю, знаешь, что это значит?

Герман начал вслух вспоминать. Он снова извлекал из своей такой неоперативной памяти заученное когда-то:

«За несоблюдение Контракта начисляются штрафные баллы. При наборе суммы баллов, определенной приложением к Контракту, граждане переводятся в преступники следующих категорий:

Категория «D» – преступник слабой опасности

Категория «C» – преступник средней опасности

Категория «B» – опасный преступник

Категория «А» – особо опасный преступник, Контракт расторгнут...»

Герман посмотрел на Юрико:

– Если они были «В», то перевод в следующую категорию означал бы расторжение Контракта и перемещение на территорию ВЮГО. Так же, как и в моем случае.

– Верно, Герман, – похвалил инспектор. – Только девушки оказались весьма неглупыми членами нашего общества. Они хорошо знают, что в соответствии с Контрактом «Граждане, помогающие ловить нарушителей Контракта...»

– «...могут быть переведены в категорию менее опасных обществу преступников...» – продолжил сам Герман.

– Браво, – снова похвалил его Юрико.

– Теперь мы «С»? – с надеждой спросила Линда.

– «С»? – нетерпеливо повторила Тильда.

– «С», – с улыбкой повторил и Юрико, снова напоминая, – только документы не забудьте оформить. А то все ваши старания...

– Не забудем. Сразу после обеда... – радостно обнялись обнаженные девушки, потом отстранились друг от друга и прошли мимо Германа, – Извини...

Он грустно покачал головой:

– Конечно...

А Линда и Тильда, словно забыв и о Юрико, и о Германе, принялись одеваться, шутливо отбирая друг у друга разные части туалета:

– Это мое.

– Нет, мое.

– Ты же мне подарила.

– А ты мне обратно...

– А ты мне еще раз...

– И ты мне...

Юрико смотрел на Германа:

– Еще вопросы.

Тот кивнул:

– А я могу поменять категорию?

Инспектор покачал головой:

– Увы, категория «А» означает, что «Контракт с Вами расторгнут...

– «Вы не имеете права быть членом ГО...» – опять по памяти продолжил Герман и констатировал. – То есть меня теперь просто отправят на Территорию ВЮГО.

Юрико подтвердил и успокоил:

– Да, переместят, депортируют с Территории Гражданского Общества...

Ничего не сказав, Герман шагнул к двери. Девушки все еще делили что-то из совместного белья:

– Это мое.

– Нет, мое.

– Ты же мне подарила.

– А ты мне обратно...

4. В гостях у инспектора Юрико

Его посадили в фургон с надписью «АИК». В такой же, что он видел возле своего дома в день возвращения. А может быть и в тот же самый. Неважно. Посадили и через полчаса высадили во дворе какого-то здания. Провели по коридорам, поместили в отельную комнату. Наверное, в камеру. Окон в этом маленьком помещении не было. Дверь запиралась с внешней стороны. Наручники сняли.

Германа оставили в его же одежде и, хотя и обыскали, но ничего не отобрали. Все, чем он располагал, осталось при нем: теперь, после нескольких телефонных звонков, уже совсем немного мелочи, носовой платок, ключи от квартиры с брелком. Этот предмет размером с зажигалку имел на себе надпись «ЛокИнформ» и был похож на сувенирную вещь. Видимо, охрана просто не догадалась, что на самом деле это информационный накопитель, на котором, между прочим, имелась и программа-«отмычка», помогавшая Герману пережить безденежные голодные дни.

Он крутил теперь в руках этот брелок и грустно улыбался – в этой камере «отмычка» не выручит. Засов на двери располагался снаружи и был он – Герман это заметил, когда его заводили в помещение – обычным железным, то есть запирался вручную. Электроника в данном случае бессильна.

Час, два ли сидел он в камере на скамье, никем небеспокоемый. Сидел не столько в раздумьях о случившемся или о том, что скоро неизбежно случится, сколько просто в оцепенении, в физическом обретении себя после вчерашних вермута и марихуаны. Голова трещала. Во рту было сухо.

Герман постучал в дверь и попросил воды. Принесли. Попил и ему, кажется, стало легче. Прилег на скамью. Начал засыпать и даже, кажется, заснул, и тут в дверь кто-то вошел. Сказал знакомым голосом:

– Герман, посмотрите, что у меня есть...

Это снова был инспектор Юрико. Он принес с собой складной стульчик. Но говорил явно не о нем. Присев, поднял вверх руку, в которой держал самую обычную папку. В офисе «ЛокИнформ» таких было полно.

Герман теперь уже очень быстро пришел в себя. Он прекрасно понимал, где и почему оказался. Вот только, что в руках инспектора, догадаться не смог, пожал плечами:

– Мне это ни о чем не говорит...

Юрико протянул ему папку:

– Это копия вашего Контракта.

– Моего?

– Да, там есть ваша подпись.

– Но зачем он мне? – не понимал Герман. – Я его и так наизусть знаю.

Инспектор развел руками:

– Вы должны за два дня прочитать Контракт. Не важно, читали ли его раньше или нет, но уж извините, формальность...

– Раз уж формальность, то давайте, – согласился Герман и вздохнул. – Значит, мне осталось еще два дня...

– Как минимум.

– Здесь? – спросил Герман почему-то.

Юрико подтвердил, не удивившись:

– Здесь... – и спросил, – вас что-то не устраивает? Есть жалобы на условия содержания? Поверьте, мы очень внимательно относимся к тому, чтобы перемещаемые не испытывали никаких неудобств... Это в правилах Гражданского Общества...

Герман покачал головой:

– Нет, никаких жалоб у меня нет.

– Если будут, обращайтесь без промедления прямо ко мне. Через охранника, разумеется.

– Хорошо.

Вежливый инспектор вышел.

Герману взял папку. Полистал бумаги. Отбросил Контракт в сторону. Потом снова его взял. Начал читать с самого начала.

Да, когда-то отец при молчаливом согласии матери заставил его выучить Контракт наизусть. Полностью. С самого начала и до конца. Вместе со всеми приложениями про категории преступников и сроки оплаты взноса ЧГО. Потом, подписав Контракт, Герман засунул ненавистный документ подальше в шкаф.

Он оторвался от просматриваемых страниц, вспомнил тот день, тот день рождения, когда впервые сам подписывал собственный Контракт. Родители так тревожно смотрели на него, когда Герман вернулся из Агентства Исполнения Контракта с копией такого важного документа. Они больше не платили за него взнос ЧГО. Дальше он сам должен был заботиться о себе и своей жизни. Позаботился...

Герман скользил взглядом по строчкам. Да, все знакомые, когда-то читанные-перечитанные, заученные слова. Ни одной зацепки. Если б категория «D». Или хотя бы «C». Или даже «B». А так..., так Контракт расторгнут. Нет Контракта, и у Германа просто нет основания жить жизнью члена Гражданского Общества.

Закончив читать, он начинал читать снова с первой страницы, как будто все-таки надеялся найти что-то спасительное. Конечно, не находил. Но не хотел прекращать чтение, не хотел оставаться один на один с мыслями в уже проветрившейся, заработавшей на всю свою мощь голове.

Ему принесли кофе и булочку:

– Завтрак.

А еще охранник положил на лавку сигареты и даже марихуану:

– От девочек. Инспектор Юрико разрешил.

– Спасибо.

Но Герман не курил. Он ведь вообще никогда не курил. И марихуану попробовал только один раз. Вчера. Дорого ему это обошлось. А впрочем, успокаивал себя Герман, если бы его не выдали Линда с Тильдой, то наверняка это сделал бы кто-то другой. Наверное, в городе есть еще немало людей, стремящихся поменять категорию, да или просто сознательных граждан, желающих защитить своих детей от растлителей малолетних.

Когда он понял, что не читает Контракт, а просто извлекает из памяти заученные слова, и при этом одновременно думает о произошедшем, то захлопнул папку, бросил ее на скамью. Размышлять, так уж размышлять. Забрался с ногами на скамейку, прижал голову к коленям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.